

СООБЩЕНИЯ

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2009. № 7

Й. Коларжик

ЛЕГЕНДА И РЕАЛЬНОСТЬ В НАЗВАНИЯХ ДЕРЕВЕНЬ В ОКРЕСТНОСТЯХ КУРОРТА ЛУГАЧОВИЦЕ

В окрестностях чешского курорта Лугачовице имеется несколько городов и сел, названия которых вызывают оправданный интерес у ономастологов. Мотивация некоторых топонимов [о терминах см.: Svoboda, 1973] очевидна: *Podhradí* «селение под замком» < *hrad* ‘замок’; *Předklášteří* «селение перед монастырем (у монастыря)» < *klášter* ‘монастырь’; *Meziříčí* «город между двумя реками»; *Podskali* «часть Праги под Вышеградской скалой»; *Zálesí* или *Záhoří* «местность за лесом» или «за горой» и т. п. Мотивация некоторых топонимов базируется на физических или нравственных недостатках основателей или жителей поселения: *Kotojedy* «жители якобы ели кошек», *Všetaty* «все злодеи» [см.: Polívková, 1985, 15]. Происхождение некоторых названий допускает несколько вариантов толкования.

По историческим документам, территория в окрестностях нынешних Лугачовиц была заселена примерно во второй половине XII в. Светские и церковные феодалы поручали своим подчиненным (локаторам) основывать новые деревни и заселять местность. В 1131 г. в грамоте Оломоуцкой епископии, основанной в 1063 г., с 6 октября 1777 г. ставшей архиепископией, но наследующей созданную в 885 г. св. Мефодием епархию, значатся на интересующей нас территории селения *Biskupice* и *Opatovice*, принадлежащие епископу (< *biskup* ‘епископ’) и аббату (< *opat* ‘аббат’).

Новые деревни назывались в честь локаторов, по их именам или прозвищам, а также по именам дворян, дарителей поместий (донаторов). Часто в ходе истории имя локатора или донатора забывалось. В языке происходили существенные фонетические, морфологические изменения. Происходили искажения при записи топонимов в различных старинных документах. В них чешские топонимы нередко записывались на латинском или немецком языках, причем часто трудным для чтения готическим шрифтом. Названия, которые были образованы от личных имен, мотивированных негативными качествами основателей или поселенцев, часто слу-

жили поводом для насмешек, иронии, поэтому жители пытались заменить негативный смысл положительным объяснением, что приводило к возникновению разнообразных легенд. Все это затрудняет научную этимологию названий селений.

В грамоте 1287 г. имеется упоминание о Собеграде из Позловиц. Топоним в форме *Pozlovicensem* (Codex diplomaticus Moraviae IV, s. 253) является первым упоминанием о существовании селения (ныне местечко Позловице находится в 4 км к востоку от г. Лугачовице). В 1369 г. здесь появился приход, в 1671 г. появилась запись *Parochia Pozlowicensis*, в 1758 г. Позловице по решению императрицы Марии-Терезии стало городком, в 1785 г. здесь появилось римско-католическое благочиние, тогда же упоминается топоним *Poslowitz, Pozlowice*, в 1872 г. – *Poslowitz, Pozlowice*, ныне **Pozlovice**.

Местные жители и краеведы-любители возводят топоним к слову *posel* ‘посол’. На эту этимологию наталкивала и фиксация названия деревни в немецких документах *Poslowice, Poslowitz*. Но название *Pozlovice* относится к топонимам, возникшим от имени локатора или донатора, который распорядился основать селение. Слово возникло от личного имени **Pozl, Pozel* с помощью суффикса *-ovice*, который состоит из посессивного суффикса *-yv/-ov* (*Pozlův majetek*) и топонимического словообразующего форманта *-ice* [Hosák, 1980, 298]. Суффикс *-ice* возник из катойконимического суффикса *-ici* (*Biskupici, Popovici, Kaňovici, Pozlovici*, т. е. подданные епископа, попа, поселителя по имени *Каня, Позел*).

Основой топонима является прилагательное *zel* ‘злой’ с префиксом *po-*. От слова *zel, zlý* возникли также названия города *Zlín* и деревни *Zlechov*. В старочешском языке посессивные прилагательные мужского рода создавались как с помощью суффикса *-in/-in¹* (*Zlín* = владения человека по имени *Zel, Kunín* – владелец *Kuna, Slavotín* – *Slavota, Domanín* – *Domana, Pitín* – *Pita, Pi’a*, как и в русском языке), так и суффиксом *-ův* (*Zlechov* – первоначально *Zlechův*, нов.-чеш. *Zlechův*). Топонимы с суффиксом *-in* в более позднее время в чешском языке не образовывались, тогда как суффикс *-ov²* использовался и в дальнейшем при колонизации новых земель (*Sokolov* вместо немецкого *Falkenau* в Западной Чехии на чешско-немецком пограничье; *Bařov* – часть города Отроковице у Злина, названная в честь владельца крупной обувной фабрики Томаша Бати; *Havířov* – город горняков, основанный у Остравы в 1950-е гг.).

Имя давалось человеку как по его личностным характеристикам (*Dobroš* или *Zel, Chval* и пр.), так и в качестве охранного знака. Носитель имени *Zel, Pozel* вовсе не должен был наводить ужас на людей, его имя должно было вызывать уважение сверхъестественных сил, злых духов. Префикс *po-* выражал меньшую силу качества, ср. диалектные наречия *ponížej, povyšej, pomalěj, pomeňej, polevňej* (*polehňej*), *potišej*, прилагательные *postarší, pomeňší, poslabší*; этот же суффикс, видимо, используется в глаголах *popohnat, popostrčit* и др.

¹ Ср. русские формы на *-ин, -ино*: *Калязин, Липин Бор, Яшкино* (село), *Останкино, Шебекино* и др.

² В русской топонимии *Александров, Иваново* (село), *Орехово-Зуево* и др.

Но возможна и другая трактовка имени. Это мог быть человек, который основал селение *po Zlovi*, после локатора по имени *Zel*, который неудачно создал селение, оно прекратило свое существование, а затем было создано вновь. Так мог возникнуть и топоним *Pozděchov*, образованный от личного имени *Pozděch*, т. е. человек, родившийся в деревне или заново основавший ее уже после локатора по имени *Zděch*, *Zděslav*. Возможна также этимология имени от словосочетания *pozdní dítě*, ср. рус. *Поздей*, *Поздняк* [Никонов, 93].

Слово *zlý* в чешском языке обозначало не только ‘злой, злостный, злобный’, но и ‘плохой, некачественный, неуспешный’. В современном чешском языке используются выражения *je to s ním zlé*, *vypadá (to s ním) zle*, обозначающие, что кто-либо серьезно болен, находится в опасном положении или у него нет надежды на положительный исход дела.

Этимология топонима *Pozlovice* вызывает отрицательные ассоциации, поэтому его жители заменили ее на более позитивное объяснение и рассматривают как образование от существительного *posel* ‘посол, курьер’, тем более, что немецкий и латинский варианты записи *Poslowitz*, *Poslovice* предоставляют для этого необходимые предпосылки. Селение якобы давало ночлег посланцам и курьерам в замке Старый Светлов или, по другой версии, некоторые жители деревни служили послами, курьерами.

Восточноморавский город-курорт *Лугачовице*, называемый жемчужиной Моравии, упоминается впервые как поселение в 1412 г. *super... Luhaczowicze*, в 1598 г. в виде прилагательного *fojta luhacziowskeho*, в 1670 г. *Luhaczowicz*, в 1718 г. *Luhatschowitz*, в 1872 г. *Luhatschowitz*, *Luháčovice*, позже уже только *Luháčovice*. В 1784 г. появился римско-католический приход, выделившийся из Позловицкого.

Историки и лингвисты предполагают, что топоним перешел от исчезнувшей деревни *Лугачовице*, которая в середине XIII в. принадлежала господам из Обржан и Стршилек, поскольку эти земли в Восточной Моравии осваивались именно жителями окрестностей Кунштата и Жданиц.

Топоним образован с помощью суффикса *-ovice* от личного имени *Luhau*, он обозначает ‘деревня людей Лугача’. Имя **Luhau* возникло от основы глагола [Никонов, 139], но нельзя точно определить, от какого именно глагола оно образовано. Глагол *luhat* ‘лгать, обманывать’ (праслав. *lъgati* [Machek, 330], рус. *лгать*, нем. *lügen*, англ. *lie*) отмечен в словацком языке, но не встречается ни в соседних с ним восточноморавских диалектах, ни в западноморавских и других чешских говорах. Поэтому нельзя однозначно утверждать, что внутренняя форма топонима – «деревня, в которой живут люди Лугача, лжеца, вруна». Его мотивация может не отражать отрицательной черты характера локатора или древних жителей селения. Некоторые языковеды ищут основу топонима в существительном *luh* ‘лес, роща, лесок в болотистом месте’ [см.: Černý, 1907, 96]. В восточноморавских диалектах слово *luža* обозначает ‘мокрое место, лужа’. Такие характеристики хорошо подходят для той долины, в которой находятся Лугачовице. К основе *luh-*, бесспорно, относятся микротопонимы *Lužné* (ныне квартал города Лугачовице), *Lužánky* (часть

г. Брно, находящаяся на осушенной болотистой почве), деревни *Lužice* у г. Годонин на юге Моравии и *Lužná* у г. Валашске-Клобоуки в Восточной Моравии, лежащие в долинах рек, в болотистой местности, а также хоронимы Верхняя и Нижняя Лужица в восточной части Германии (чеш. *Horní Lužice*, *Dolní Lužice*, нем. *Oberlausitz*, *Niederlausitz*, в.-луж. *Hornja Łužica*, н.-луж. *Dolna Łužica*), располагающиеся в болотистых местах вдоль р. Шпрее с крупными городами Баутцен, Гёрлиц, Коттбус (чеш. *Budyšín*, *Zhořelec*, *Chotěbuz*, нем. *Bautzen*, *Görlitz*, *Cottbus*, серболуж. *Budyšín*, *Zhorjelc*, н.-луж. *Chóšebuz*, в.-луж. *Choćebuz*, польск. *Budziszyn*, *Zgorzelec*).

Поскольку в чешском языке существуют имена с суффиксом *-ač*, образованные от существительных или прилагательных, а не от глаголов (*oko/okatý – okáč* = с большими глазами, *ucho/ušatý – ucháč* = с большими ушами, *břichatý – břicháč*, *bohátý – boháč*, *bradáč*, *košiláč*, *vousáč*, *chlupáč*, *paroháč*, сленговое *prachatý – pracháč* и т. д.), можно предполагать, что топоним *Luhačovice* мог быть образован от слова *luháč (luhač)* ‘человек, живущий на высохшей болотистой местности у реки’.

Несколько вариантов объяснения происхождения существует у топонима *Ludkovice*. Название деревни зафиксировано в письменных источниках в 1412 г. *super villis ...Lytkowicze*, в 1437 г. – *v Litkowiczich*, в 1560 г. – *z Lidkowicz*, в 1577 г. – *v Ludkowiczich*, в 1751 г. – *Ludkowitz*, в 1846 г. – *Ludkowitz*, в 1872 г. – *Ludkowicz*, *Ludkovicе*, в 1881 г. – *Lidkovicе*, с 1918 г. – *Ludkovicе*. Она относилась сначала к поместью Светловскому, а с 1592 г. – к Лугачовицкому, в церковном отношении – к приходу и благочинию Позловицкому. Топоним возводят к личному имени *Ludek*, к которому добавлен суффикс *-ovice*. *Ludek* – домашняя форма (гипокористика) от одного из сложных старочешских имен *Ludmil*, *Ludimir*, *Ludislav*, которые обозначали «людям милый», «желающий людям мир», «среди людей славный». Это была деревня людей Людека, ее основателя или наиболее уважаемого жителя.

Формы *Litkowicze* или *Lidkovicе* отражают перегласовку *u > i*, происшедшую в чешском языке в XIV в. В официальные документы этот вариант был внесен писарем, который был родом с западночешской территории, где эта перегласовка была реализована. Форма же с основой *lud-* является доказательством того, что в восточной части ареала чешского языка, в восточноморавских наречиях перегласовка *u > i* не была осуществлена, ср. диалектные лексемы *břuch*, *čuch*, *d'úra*, *lútost'* при чешских литературных *břicho*, *čich*, *díra*, *lútost* и т. п. Писарь мог записать название деревни в той форме, которая была до перегласовки, или же зафиксировал народное произношение топонима, т. е. тоже без перехода *u > i*.

Можно сравнить название этого селения со следующими топонимами: *Ludslavice* (у г. Голешов), зафиксирован в документах и как *Lidslawicz*; деревни *Horní Lideč* и *Lidečko* у г. Валашске Клобоуки, сожженная фашистами деревня *Lidice*. Их основой послужили личные имена со старочешским компонентом *lud-*, новочешское *lid-* (ср. рус. *люди*). Нельзя, однако, доказать, что в основе этих топонимов лежит имя чешской княгини св. Людмилы, бабушки князя св. Вацлава-

Вячеслава (убита 15 сентября 921 г.), хотя у чехов она пользовалась большой любовью и уважением. Такие предположения встречаются иногда в народных и школярских объяснениях, в которых бралась за основу *Lidka* – гипокористическая форма имени *Ludmila*.

Поскольку регион заселялся в пятидесятых годах XIII в. по распоряжению оломоуцкого епископа Bruno von Schaumburk, не исключено, что деревня *Ludkovice* была названа в честь немецкого локатора по имени *Ludwig* (от герм. *blut* + *wig* ‘славный воин’), от которого в чешском языке возникла такая же гипокористика, как и от чешских имен *Ludek*, *Luděk*.

Некоторые исследователи связывают топоним со словом *lity*, основываясь на том, что в записях неясно, какое звуко сочетание является исходным – *-dk-* или *-tk-*. От корня *ljutъ* [Černý, 1907, 96] образованы моравские топонимы *Litenčice* (от деминутивной формы личного имени *Lutenek*), *Litohoř* (от сложного имени *Lutohor* < *ljutъ* ‘лютый, свирепый, жестокий’ и *hor* < *hořeti* ‘гореть’). Можно допустить и другую возможность объяснения. Приходская деревня была названа *Pozlovice* в честь «злого» локатора. Деревня, которая была присоединена к Позловицам, стала называться другим именем, образованным от семантически близкого слова *lity* ‘очень злой, вспыльчивый, разъяренный от злобы, как огонь’, если он относился к ее жителям еще более строго и безжалостно.

Несколько ономастических проблем обнаруживается при объяснении топонима *Řetechov*. В 1412 г. отмечается запись *Rzetchov*, в 1594 г. – *Řetichov*, в 1596 г. – *Ržetchov*, в 1602 г. – *Ředechov*, в конце 19 в. – *Řetechow* и *Řetechov*, а после 1918 г. – *Řetechov*. Различие в записи первой буквы объясняется особенностями отражения фонемы <ř> на письме в разные периоды развития чешского языка. Некоторые авторы XX в. записывают название как *Řetěchov* [Hosák, 1930, 27 и др.]. В старой чешской орфографии не было буквы *ě*, поэтому нельзя определить, мягким или твердым был звук [t], поэтому можно допустить и чтение *Řetěchov*. Еще во второй половине XX в. пожилые местные жители использовали форму *Řetichov*.

Официальное название селения – *Řetechov*. Топоним образован с помощью суффикса *-ov* от личного имени *Břetěch*, которое может быть гипокористической формой от старого сложного имени *Břetislav*. К сокращенной форме имени добавлялся суффикс *-ech*, как, например, у имен *Boleslav* – *Bolech* (отсюда топоним *Bolešice*), *Želimir* – *Želech* (деревни *Želešice* и *Želechovice*), *Zlech* (*Zlechov*). Начальный лабиальный звук [b] в имени *Břetěch* отпал. Из-за суффикса *-ech* распространилось чтение *Řetechov* с твердым согласным [t], а связь с личным именем *Břetěch* уже не ощущалась.

В настоящее время уже невозможно определить, принадлежало ли имя *Břetěch* – *Řetěch* локатору, основавшему деревню, кому-то из его родственников или господину, который поручил локатору основать селение. Однако недостоверно, что топоним был образован от имени чешского князя Бржетислава (1002–10.01.1055), внебрачного сына князя Олдржиха, который увез из монастыря свою невесту Юдиту, дочь маркграфа Генриха фон Швейнфурта, и в дальнейшем его имя вошло во многие легенды, начиная со Средних веков.

В ходе общественных перемен, в результате существенных изменений в развитии языка (фонологических, морфологических, деривационных, прежде всего в проприальной сфере) исходная мотивация многих топонимов утратилась. Если происхождение топонима было не слишком ясным или имелись неприятные для жителей негативные его трактовки, появлялись народные объяснения, перерастающие в легенды.

Никонов В. А. Словарь русских фамилий. М., 1993.

Černý Fr. Moravská jména místní: Výklady filologické / Fr. Černý, P. Váša. Brno, 1907.

Hosák L. Z minulosti Luhačovského Zálesí // Václavík Ant. Luhačovské Zálesí / Ant. Václavík. Luhačovice, 1930.

Hosák L. Místní jména na Moravě a ve Slezsku: II / L. Hosák, R. Šrámek. Praha, 1980.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.

Polívková A. Naše místní jména a jak jich užívat. Praha, 1985.

Svoboda J. Staročeská osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964.

Svoboda J. Základní soustava a terminologie slovanské onomastiky. Grundsystem und Terminologie der slawischen Onomastik / J. Svoboda, V. Šmilauer, L. Olivová-Nezbedová, K. Oliva, T. Witkowski // Zpravodaj místopisné komise ČSAV, roč. XIV, č. 1. Praha, 1973.

* * *

Йозеф Коларжик – доктор филологии, доцент Оломоуцкого университета, в настоящее время на пенсии (Чехия).

Перевод с чешского *В. И. Супруна*.